

DOI 10.15826/izv2.2019.21.4.065
УДК 94(4) "375/1492" + 338.242(44) +
+ 316.334.56

Е. Н. Кириллова
Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия

РЕМЕСЛЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА (по «Книге ремесел» Парижа)*

Исследование посвящено месту мастерской средневекового ремесленника в пространстве средневекового города: соотношению пространства мастерской и пространства за ее пределами в плане их профессиональной функциональности. Работа основана на регламентах парижских ремесленных и торговых корпораций XIII в. — «Книге ремесел» Парижа; применен терминологический анализ и исследованы отдельные ситуации, как они представлены или объясняются в источниках. Автор рассматривает правила, определявшие положение покупателя около служившего прилавком окна мастерской, как свидетельство расширения рынка сбыта в средневековом городе, возможности работать не на заказ, а для спонтанного покупателя. Не обращаясь к таким особым торговым пространствам как рынки и ярмарки, автор выявляет городские пространства, выступавшие эквивалентом мастерской — такие места, где профессиональная деятельность ремесленника была возможной и воспринималась как норма. Это дом горожанина, который при определенных условиях мог стать временным местом работы ремесленника; ограничение продолжительности и объема такой работы задавалось указанием на статус хозяина дома (горожанин, мелкий торговец, купец). Это улица города, выступавшая рабочим пространством только для мастеров определенных специальностей. Для остальных улица могла стать местом розничной торговли, осуществлявшейся разносчиками, не являвшимися профессиональными торговцами: разносчиками становились прежде всего мастера, не имевшие мастерских или прилавков, но также и другие ремесленники. Отмечены недостатки торговли разносчиков (помеха другим мастерам, некачественные изделия и пр.) и свидетельства заинтересованности в ней, проанализированы особенности торговли разносчиков в Париже XIII в.

Ключевые слова: «Книга ремесел» Парижа; средневековый город; мастерская; прилавок; разносчики; рынок сбыта.

Цитирование: Кириллова Е. Н. Ремесленная мастерская в пространстве средневекового города (по «Книге ремесел» Парижа). DOI 10.15826/izv2.2019.21.4.065 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 4 (193). С. 29–38.

*Поступила в редакцию 16.06.2019
Принята к печати 22.10.2019*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 16-18-10393-П «Самоорганизующиеся структуры средневекового города: генезис, классификация, механизмы функционирования».

Ekaterina N. Kirillova*Institute of World History RAS
Moscow, Russia***CRAFT WORKSHOPS IN THE SPACE OF A MEDIEVAL CITY
(According to the *Livre des Métiers* of Paris)**

This study is devoted to the place of a medieval craftsman's workshop in the space of a medieval city, i.e. the correlation between the space of a workshop and space outside it in terms of their professional functionality. The research is based on the Parisian craft regulations of the thirteenth century, the *Livre des Métiers* of Paris. The author employs terminological analysis and investigates individual situations as they are presented or explained in the sources. The author examines the rules that determined the position of the buyer near the shop window that served as a counter and explains these rules as an expansion of the sales market in the medieval city, the possibility of working not for an order, but for a spontaneous buyer. The author does not refer to such special trading spaces as markets and fairs but reveals spaces that were equivalent to workshops, where the work of a craftsman was possible and was perceived as a norm. It was a citizen's house, which, under certain conditions, could become a temporary place of work for a craftsman; the limitation of the duration and volume of such work was set by the status of the house owner (citizen, petty trader, merchant). It was the street that acted as a workspace only for masters of certain crafts. For others, the street could become a place of retail trade carried out by peddlers who were not professional traders: it mostly concerns craftsmen who did not have workshops or counters and became peddlers, but also other artisans. The author notes the shortcomings of peddler's trade (impediment for other craftsmen, low quality products, etc.), the evidence of interest in it, and analyses the features of peddler's trade in Paris in the thirteenth century.

Key words: *Livre des Métiers* of Paris; medieval city; workshop; counter; peddlers; sales market.

Acknowledgements

The research is sponsored by the *Russian Science Foundation* (Project 16-18-10393 "Self-Organising Structures of Medieval Towns: Genesis, Classification, and Mechanisms of Functioning").

Citation: Kirillova, E. N. (2019). Remeslennaia masterskaia v prostranstve srednevekovogo goroda (po "Knige remesel" Parizha) [Craft Workshops in the Space of a Medieval City (According to the *Livre des Métiers* of Paris)]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 4 (193), 29–38. doi: 10.15826/izv2.2019.21.4.065

Submitted on 16 June, 2019

Accepted on 22 October, 2019

Мастерские средневековых ремесленников и их место в городском пространстве можно изучать в различных аспектах. Можно выявлять локализацию мастерских в районах города и его пригородах, во владениях разных сеньоров,

на конкретных улицах и относительно реки, рынка, других мастерских. Средневековые источники, и прежде всего ремесленные и торговые регламенты, содержат много информации о расположении мастерских в городе, и исследование этого аспекта является одним из традиционных направлений урбанистики [о Париже XII–XIII вв. см., например: Fagniez, p. 20–25; Уваров, с. 68–69]. Можно сузить эту проблему и задаться вопросом о соотношении пространства дома ремесленника и пространства его мастерской, об их вынужденном (связанном со спецификой профессиональной деятельности) или нормативном разграничении, что позволило бы прояснить ряд вопросов истории ремесла и истории семьи, но скорее это можно сделать не для Средних веков, а для Нового времени, поскольку источники именно этого периода позволяют предметно рассматривать конкретные ситуации, отраженные в законодательстве и в судебных делах [Кириллова, 2008, с. 89–90, 95].

Соотношение мастерской и пространства за ее пределами можно рассматривать и в плане их профессиональной функциональности, и именно этот аспект пространственного измерения социальной жизни [Коновалова, с. 11–12, 15–16] средневекового города будет находиться в центре внимания данной статьи.

Исследование основано на регламентах парижских ремесленных и торговых корпораций XIII в., вошедших в знаменитую «Книгу ремесел» — составленный в 1260-е гг. сборник из условно 100 (первоначально — около 70) ремесленных и торговых регламентов [Кириллова, 2019, с. 52–75].

В мастерской изготавливают ремесленные изделия и здесь же их продают. И то, и другое можно делать за пределами мастерской. В данном случае речь пойдет не о рынке или ярмарке, особых институтах и особых торговых пространствах, а о таких местах, которые выступали эквивалентом или продолжением мастерской, что предполагает применение терминологического анализа и изучение отдельных ситуаций, а также того, как они были изложены или объяснены в источниках.

Классический или идеальный образ средневекового ремесленника предполагает, что у каждого мастера есть своя мастерская и что иначе невозможно быть мастером. Именно присутствие этой нормы в позднейших ремесленных и торговых уставах заставляет историков сомневаться в ее незыблемости¹.

В «Книге ремесел» однако эта норма почти нигде не прописана, как и право мастера работать и торговать на своей территории: в мастерской и из окна этой мастерской, служившего прилавком. Такое окно, являвшееся частью мастерской, внешней своей стороной выходило на улицу города, становясь частью городского пространства, общего для всех мастеров и торговцев, которые, в свою очередь, имели право действовать в этом пространстве в своих личных и профессиональных интересах. Потенциально возможные конфликтные ситуации требовали разрешения, и в таких случаях ремесленные корпорации оказывались

¹ О мастерах, не имевших мастерских, в раннее Новое время см. подробнее: [Кириллова, 2019, с. 112, 140–141, 154–155].

полностью на стороне ремесленника — владельца мастерской и окна (прилавка) как ее продолжения.

Если потенциальный покупатель приторговывал товары у парижского кошелечника (LXXVII устав «Книги ремесел») на его *прилавке* (*a son estal*), сосед последнего не мог выйти из своей *мастерской* (*son ouvrouer*) и показывать свои товары, прежде чем покупатель уйдет от *мастерской* (*de l'ouvrouer*), где он приторговывал [Le Livre des métiers, p. 167]. «Прилавок» и «мастерская» соседа в этом требовании устава кошелечников являются синонимами.

Прилавок или окно (*estal ou fenestre*) названы в аналогичном правиле устава парижских поваров (LXIX): другим поварам не следовало звать покупателя, пока тот по своей воле не отойдет от прилавка или окна повара, у которого он приторговывал или покупал еду [Ibid., p. 146–147]. Мастера-седельщики (LXXVIII) запрещали друг другу окликать покупателя, пока тот находился перед *прилавком* или *домом* другого мастера (*par devant autrui estal ne devant autrui meison*) [Ibid., p. 173].

Можно высказывать сомнение в совпадении значений «прилавок» — «окно», «прилавок» — «дом» и предполагать, что речь идет не об откидном окне в доме ремесленника, а о совершенно ином прилавке, который находился не в доме мастера, а на городском рынке. Но гораздо более вероятным будет предположение о том, что в этом случае составители регламентов сделали бы соответствующее уточнение, как они поступали в описании разных ситуаций, относившихся к торговле с прилавка на рынке.

Следует учитывать не только пространственный, но и временной аспект: первый продавец имел преимущество перед вторым до тех пор, пока покупатель находился в его пространстве, около его дома, прилавка, окна и пока его внимание не переключалось, о чем свидетельствовало направление его движения (он должен был отойти).

Подчеркну, что действующими лицами здесь являются не профессиональные торговцы, а ремесленники, работавшие в своих мастерских — не на заказ, не в расчете на конкретного и известного мастеру покупателя, с которым уже была достигнута договоренность, а в расчете на *какого-то* покупателя: тот мог заинтересоваться увиденным с улицы товаром и купить готовое изделие или полуфабрикат, доработанный по его пожеланиям, или заказать работу, если ему понравятся другие изделия (возможно, сделанные на заказ), которые он видит готовыми.

Чужой дом — дом горожанина — также мог стать рабочим пространством ремесленника. При выполнении определенных видов работ или изготовлении изделий, перемещение которых требовало больших усилий или вообще было невозможно (например, крыша, полы, мебель), происходила замена его собственного рабочего пространства на чужой дом, становившийся временным местом его работы. В доме парижского горожанина ремесленник мог делать и мелкие изделия: лампы (XLV), свечи (LXIV); в доме знатного сеньора — шелковые ткани и бархат (XL). При этом изготовители свечей (LXIV) не допускали работы

у мелкого торговца (*chiès regratier* [Le Livre des métiers, p. 133]); изготовители шелковых тканей (XL) — у купца, горожанина или у кого-то другого (*chiez marchand ne chiez bourgeois ne chiez autres, quel que il soit* [Ibid., p. 77]).

Ограничение продолжительности и объема такой работы, на первый взгляд, в этих регламентах отсутствует. В реальности оно задавалось указанием на статус домовладельца: горожанин, мелкий торговец, купец. Этого было достаточно, чтобы мастер не сделал, а заказчик не приобрел больше допустимого. Не рассматривая монопольное право на ремесло, в данном случае — адресованный преимущественно подмастерьям запрет работать на кого-либо, кроме мастера ремесла, подчеркну, что регламенты не проявляют признаков беспокойства о количестве специалистов, которые будут выполнять заказ на дому у заказчика. Единственное близкое по характеру ограничение — запрет свечному мастеру (LXIV) оставлять ученика в доме горожанина в свое отсутствие; мастер должен был всегда находиться вместе с учеником [Ibid., p. 34]. Но такое ограничение продиктовано скорее необходимостью контроля и присмотра за всяким учеником, независимо от его квалификации, чем запретом на расширение объемов производства.

Интерес заказчика работы на дому мог состоять в контроле за мастером: за расходом сырья, за процессом и скоростью выполнения работы. Интерес мастера — в самом заказе, в гарантированном доходе. Интерес корпорации — в предотвращении сговора между ремесленником и торговцем, в возможности избежать ситуации, создававшей преимущества одному мастеру в ущерб другим. Городские власти, еще одна заинтересованная сторона, не вмешивались в регулирование таких ситуаций, доверяя управление процессом работы и торговли профессиональным сообществам.

Можно говорить и о такой выгоде мастера, как использование материала заказчика в том месте, где выполнялась работа. Рассмотренные выше уставы не позволяют уточнить принадлежность сырья, однако возможность работать не с собственным сырьем, а с тем, которое предоставляет заказчик, — норма для средневекового ремесла, как и возможность отступать от некоторых правил в изготовлении изделий, если заказчик того пожелает (у изготовителей ящиков и замков (XIX), пластинок для фонарей (LXVII) и др.). Но отсутствие необходимости перемещать сырье в мастерскую, а готовые изделия — из мастерской в дом заказчика, также могло быть удобным для мастера, хотя он и оказывался вынужден работать вне своей мастерской, где все инструменты и любые материалы находились под рукой.

Ограничения для этого рабочего пространства следовали логике беспокойства о качестве изделий и о расширении рынка сбыта. Чем шире он мог стать, тем строже становились запреты, как свидетельствуют уставы свечных мастеров и изготовителей шелковых тканей, опасавшихся, вероятно, сговора между торговцами и мастером.

Общественное беспокойство об изменении характера профессиональной деятельности, если она происходила за пределами профессионального пространства,

отражалось не только в этих запретах, но и в повышении пошлин для тех, кто в силу специфики профессии не только мог, но порой и должен был работать вне своей мастерской, и потому имел возможность зарабатывать больше других. Парижские кузнецы (XV) могли иметь станок для подковывания лошадей вне дома, получив на это согласие смотрителя дорог и заплатив 6 су обана², что в два раза выше обана мастера, работавшего в своем доме [Le Livre des métiers, p. 39].

Ремесленники могли торговать своими изделиями вне мастерской и вне специально определенных для торговли мест (рынки и ярмарки). В городе это пространство — улицы, которые не были предназначены для такого рода деятельности, но не были и закрыты для нее. Торговля на улицах города осуществлялась разносчиками.

Полный запрет такой торговли был установлен у изготовителей гамаш (LV), перчаточников (LXXXVIII) и шляпников фетровых шляп (XCI). Торговцы сеном (LXXXIX) могли разносить свой товар только для продажи, и даже с глашатаем должны были ходить без образцов сена. Изготовители гамаш объяснили свой запрет разносить новые шелковые или полотняные гамаш тем, что разносчики менее надежны: неизвестные разносчики продают гамаш из оческов и другого плохого сырья, а покупатели не знают, где найти продавцов, и теряют свои деньги, чего не было бы, если бы покупали с прилавков (*il ne savent ou trouver les vendeurs conporteurs, et ainsi perdent leur argent: ce qu'il ne pourroient faire aus estaliers* [Le Livre des métiers, p. 114]).

Напротив, десять парижских корпораций полагали торговлю разносчиков вполне допустимой, если только она была ограничена определенными рамками, достаточно разнообразными: время торговли, допустимые и недопустимые места торговли, количество и номенклатура товаров, статус разносчика и даже манера его поведения.

Ковровщики наших ковров (LII)³ и продавцы льна (LVII) могли разносить свой товар только в рыночный день (в пятницу и субботу), а изготовители пуговиц и наперстков (LXXII), напротив, не должны были разносить товары в рыночный день, пока на рынке были свободные прилавки: если у пустого прилавка не было мастера, который «держал его за ценз или снял его», и никто его не занял, смотрители рынка могли положить вещи разносчика на прилавок и взять с него эталяж⁴ [Le Livre des métiers, p. 153].

² Обан (*hautban, hauban*) первоначально был натуральной повинностью и уплачивался вином (1 мюид вина, около 268 л). Филипп II Август заменил вино на 6 парижских су, как полагают, в 1201 г. Можно было платить целый обан — 6 су, половину обана — 3 су или полтора обана — 9 су. Право платить обан можно было купить или получить в дар у короля, но тот, кто не принадлежал к ремеслу, имевшему обан, не мог его платить. Уплата обана отменяла многие другие торговые пошлины.

³ Так называли изготовителей шерстяных одеял в Париже XIII в. Также мастера занимались изготовлением разных тканей (полотна, саржи, сермяги), шерстяных ковров и покрывал из шерсти, шелка и хлопка (о разных ремеслах, связанных с изготовлением ковров, покрывал, тканей для мебели и других изделий, см.: [Les métiers et corporations, p. 687–691; Franklin, p. 680–681]).

⁴ Эталяж (*estalage*) — сбор за право торговать на рынке с прилавка.

Изготовителям свечей (LXIV) было запрещено разносить в воскресенье, и в этой корпорации вообще могло быть не более двух разносчиков. Торговцы холстом (LIX) и ремешники (LXXXVII) могли разносить, только если не имели прилавков: ремешники — исключительно по рынку в рыночный день, а разносчики холста обязаны были ходить по рынку без остановки, не садясь перед прилавком торговца холстом (что мешало его торговле, отвлекая его покупателей или потенциальных клиентов). У изготовителей латунных застёжек (XLII) был только один разносчик, исключая тех, кто имел прилавок и не мог разносить в рыночный день. Разносчик у изготовителей крепа из ниток и шелка (XXXVII) мог иметь для продажи только один чепец и одну наволочку, кроме пятницы и субботы. Торговцам сеном (LXXXIX) позднее разрешили носить с собой одну охапку сена в качестве образца (*fors un pour crier* «кроме одной для выкрикивания»; это правило было добавлено к уставу позднее, точная датировка неизвестна [Le Livre des métiers, p. 196; Règlements, p. 243]). Кошелечники (LXXXVII) просили прево Парижа, чтобы разносчиками могли быть только те, кто не содержал мастерской, или их жены, а кто содержал, мог бы послать с товарами своего подмастерья, как у них было принято прежде.

Ограничения объяснялись в уставах тем, что разносчики мешали торговать на рынках с прилавков и их торговля уменьшала королевские подати: король имел больше с того, что продают оптом, чем с того, что продают в розницу, как сказано в уставе торговцев холстом (LIX) [Le Livre des métiers, p. 122]. Кроме того, разносчика потом было трудно или невозможно найти, если покупатель обнаруживал, что его обманули (изготовители гамаш (LV)), и вообще при такой торговле плохие изделия чаще выдавали за хорошие (продавцы льна (LVII), кошелечники (LXXXVII)).

Торговля разносчиков действительно не предполагала больших объемов товаров, но в условиях большого города, каким был Париж XIII в.⁵, спрос на нее возрастал в силу «новой» адресности — возможности принести товар прямо к дому (или в дом) потенциального покупателя, который еще только собирался за ним на рынок или в лавку, или даже не собирался, но мог этого захотеть, даже если ему не показали этот товар, как делали разносчики, но рассказали о нем, как поступали глашатаи торговцев сеном, и — позднее — еще и показали образец товара. Мелкие торговцы, разносившие самый разнообразный товар на себе и не привязанные к определенному месту (дому, лавке) и даже к населенному пункту, хорошо известны историкам, но в данном случае речь идет о другой торговле: однородным, относившимся к строго определенному ремеслу, а не разнородным товаром, и регулярной торговле, почти постоянной. Парижские уставы не позволяют определять ее как ежедневную, но очевидно, что для разносчиков она не была исключительным действием и происходила, в соответствии с упоминанием о рыночных днях, как минимум несколько раз в неделю. Такой

⁵ В XIII в. число горожан увеличилось в три или четыре раза, и к концу столетия здесь проживали, как полагают, значительно больше 100 тысяч, возможно, даже около 200 тысяч человек.

характер торговли создавался потенциалом городского рынка сбыта, необычно емкого (для средневекового города) в Париже XIII в., возможностью работать не на заказ, сделанный конкретным покупателем, а для какого-то еще неизвестного мастеру потребителя, который, судя по востребованности разносчиков, действительно покупал их товары.

Рассмотренные нормы направлены на регулирование торговли, но разносили товары ремесленники, а не торговцы (здесь есть только торговцы холстом и сеном), и, очевидно, — свои собственные изделия. Подтверждение этому можно увидеть в двух указаниях устава кошелечников (LXXVII). Во-первых, они просили прево запретить тем, кто разносил кошельки, *делатъ их (se il ne font)* некачественными (не выдубленными, без подкладки). И, во-вторых, кошелечники хотели бы, чтобы только *мастер*, не имевший мастерской (*ovrouer*), мог разносить товары по городу; тот же, у кого мастерская была, мог бы отправить торговать в качестве разносчика своего подмастерья [Le Livre des métiers, p. 166–167].

Доступ к такой торговле «открывало» отсутствие своей мастерской (кошелечники) или своего прилавка: изготовители латунных застежек (XLII), торговцы холстом (LIX), изготовители пуговиц (LXXII), ремешки (LXXXVII). В то же время она была привлекательной для всех ремесленников, о чем свидетельствуют ограничения количества разносчиков из числа всех мастеров ремесла, в том числе имевших свои мастерские, как у изготовителей латунных застежек (XLII) и свечей (LXIV).

Владение мастерской оказывается — хотя бы в одном случае — не столь уж безусловным и обязательным для мастера, но это более устойчивый признак, чем наличие прилавка на рынке в рыночный день. Но вопрос о том, где и в каких условиях занимались изготовлением своих изделий мастера, не имевшие возможности продавать их в своей мастерской из-за ее отсутствия, непригодности для торговли (хотя там жила семья мастера, о чем говорит упоминание его жены) или по другим причинам, остается открытым.

Еще в одном (но только в одном) случае регламент требовал, чтобы у каждого продавца был «свой дом в Париже, чтобы было известно, где его найти» (*et convient que chascuns vendeur ait son otel en la vile de Paris, pour ce que l'en le sache ou trouver* [Le Livre des métiers, p. 220]). Речь шла о морских рыбаках — торговцах морской рыбой (CI), которых в городе было 20 человек. Они назначались прево Парижа и несли ответственность за свою работу, в том числе материальную, внося при своем назначении крупный залог в размере 40 су.

Ремесленная мастерская в средневековом городе — это не только основной пространственный объект в системе производственных отношений, но и самостоятельный феномен в масштабах города, изучение которого в пространственных категориях позволяет выявить эквиваленты мастерской — такие места, где профессиональная деятельность ремесленника была возможной и воспринималась как норма.

Дом горожанина — промежуточное звено, несамостоятельный объект в этой системе отношений — мог стать временным местом работы ремесленника.

Возможность выполнять обычную работу в таком пространстве была обусловлена рядом требований к мастеру, главным из которых являлся статус хозяина дома (он не мог быть торговцем).

Улица города могла быть рабочим пространством только для мастеров определенных специальностей (кузнецов), которые при этом могли работать и в мастерской (в кузнице). Для всех остальных ремесленников (и для торговцев) улица могла служить местом розничной торговли, воспринимавшейся как закономерное «продолжение» торговли в мастерской. Логика такого отношения к торговле на улице доказывается, во-первых, ее допустимостью при отсутствии мастерской или (чаще) прилавка на рынке; во-вторых, отсутствием пошлин, подобных эталю, которые не «возникали» при торговле разносчиков на улицах города, как если бы торговая сделка происходила в пространстве мастерской, а не в пространстве города.

Подобное отношение к разносчикам и к их торговле было возможным именно потому, что они были прежде всего мастерами, и их торговля была продолжением работы мастера, а не автономной торговой операцией, совершавшейся человеком другого статуса — профессиональным торговцем.

Стабильность профессионального пространства предстает в регламентах знаком качества — мастер, которого легко найти, работал, по мнению составителей уставов, лучше, надежнее, он отвечал за свою работу, чем отличался от разносчика. Такое обоснование социально обусловлено: в составлении уставов участвовали мастера, которые не занимались торговлей как разносчики. Свое недовольство столь отзывчивой интересам покупателей средой они и выразили в нормативных актах.

Источники

Le Livre des métiers / publ. par R. de Lespinasse et Fr. Bonnardot. Paris : Impr. Nationale, 1879.

Les métiers et corporations de la ville de Paris, XIV–XVIIIe siècles / publ. par R. de Lespinasse. T. II : Orfèvrerie, sculpture, mercerie, ouvriers en métaux, bâtiment et ameublement. Paris : Impr. Nationale, 1892.

Règlements sur les arts et métiers de Paris, rédigés au XIIIe siècle et connus sous le nom du *Livre des métiers* d'Étienne Boileau / publ. par G.-B. Depping. Paris : De l'Imprimerie de Crapelet, 1837.

Исследования

Кириллова Е. Н. Обычай: до, после и вместо регламента // Право в средневековом мире. 2008 / под ред. И. И. Варьяш, Г. А. Поповой. М. : ИВИ РАН, 2008. С. 88–96.

Кириллова Е. Н. История ремесла во Франции XIII–XVIII веков: статья мастером. СПб. : Евразия, 2019.

Коновалова И. Г. Историческая география на междисциплинарных перекрестках // Историческая география / отв. ред. И. Г. Коновалова. Т. 1. М. : Аквилон, 2012. С. 8–19.

Уваров П. Ю. Города средневековой Франции // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / отв. ред. А. А. Сванидзе. Т. 1 : Феномен средневекового урбанизма. М. : Наука, 1999. С. 60–73.

Fagniez G. Etude sur l'industrie et la classe industrielle à Paris au XIIIe et au XIVe siècle. Paris : F. Vieweg, libraire-éditeur, 1877.

Franklin A. Dictionnaire historique des arts, métiers et professions exercés dans Paris depuis le XIIIe siècle. Paris ; Leipzig : H. Welter, éditeur, 1906.

References

Fagniez, G. (1877). *Etude sur l'industrie et la classe industrielle à Paris au XIIIe et au XIVe siècle*. Paris: F. Vieweg, libraire-éditeur. (In French)

Franklin, A. (1906). *Dictionnaire historique des arts, métiers et professions exercés dans Paris depuis le XIIIe siècle*. Paris; Leipzig: H. Welter, éditeur. (In French)

Kirillova, E. N. (2008). Obychai: do, posle i vmesto reglamenta [Custom: Before, After and Instead of Regulations]. In I. I. Varjas, & G. A. Popova (Eds.), *Pravo v srednevekovom mire. 2008* [Law in the Medieval World. 2008] (pp. 88–96). Moscow: IVI RAN. (In Russian)

Kirillova, E. N. (2019). *Istoriya remesla vo Frantsii v XIII–XVIII vv.: stat' masterom* [The History of the Crafts in France, 13th–18th Centuries: To Become a Master]. St Petersburg: Eurasia. (In Russian)

Konovalova, I. G. (2012). Istoricheskaia geografiia na mezhdistsiplinarnykh perekrestkakh [Historical Geography at Interdisciplinary Crossroads]. In I. G. Konovalova (Ed.), *Istoricheskaia geografiia* [Historical Geography] (Vol. 1, pp. 8–19). Moscow: Akvilon. (In Russian)

Uvarov, P. Yu. (1999). Goroda srednevekovoï Frantsii [Cities of Medieval France]. In A. A. Svanidze (Ed.), *Gorod v srednevekovoï tsivilizatsii Zapadnoi Evropy. T. 1: Fenomen srednevekovogo urbanizma* [City in the Medieval Civilization of Western Europe. Vol. 1: Phenomenon of Medieval Urbanism] (pp. 60–73). Moscow: Nauka. (In Russian)

Кириллова Екатерина Николаевна

доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник

Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр., 32а

E-mail: kkirillova@mail.ru

Kirillova, Ekaterina Nikolaevna

Dr. Hab. (History), Leading Researcher

Institute of World History RAS

32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia

Email: kkirillova@mail.ru